

Клаус-Мария
БРАНДАУЭР
верен своей теме

Нашим зрителям Клаус-Мария Брандауэр знаком в основном по фильму «Мефисто» (снимок сверху), награжденному «Оскаром». Некоторым по «Полковнику Редлю» и «Хануссену». В «костальном мире» Брандауэр знаменит множеством великолепных работ как в кино, так и в театре. Австриец по происхождению, он в последнее время живет в Германии. И поэтому, видимо, не случайно пристальное внимание актера к теме нацизма, его корней, в широком смысле — к теме тоталитаризма, к фигуре диктатора и его окружению. Новый фильм «Семь минут», уже собравший, по выражению самого Брандауэра, «кучу призов», снят снова на том же материале: покушение на Гитлера в 1938 году.

— Казалось бы, трилогия Иштвана Саббо, в которой вы играли Мефисто, Калэрэйдла и Хануссена, персонажей, втянутых в водоворот нацизма, должна была исчерпать ваш интерес к этой теме. Но вот новый фильм «Семь минут», к тому же ваш режиссерский дебют, и снова — фюрер и люди вокруг него. Почему вы взялись за эту работу?

— Сыграть простого провинциального плотника, покушавшегося на Гитлера, еще четыре года назад мне предложил мой добрый друг, американский режиссер Джон Франкенхеймер. Но тогда в последний момент затея сорвалась из-за финансовых затруднений. А два года спустя я принял новое предложение американцев: уже не только сыграть роль Георга Эльснера, но и снять фильм по новелле Стива Шеперда «Мастер». Для меня это было логично, потому что я поставил много пьес в театре. И давно вынашивал идею сделать фильм как режиссер.

Персонажи предыдущих фильмов — актер Мефисто, прорицатель Хануссен — находились внутри политических интриг. Мне же было любопытно показать человека, который, на первый взгляд, не интересуется политикой. Причем, замечать, дело происходит не в сорок четвертом, не в сорок третьем, а — в тридцать восьмом году. Все в Мюнхене выглядело прекрасно, пивные залы были полны, пиво великолепно, еда восхитительна и на каждом углу не стоял эсэсовец, кричавший: «Хайль Гитлер!». «Новый порядок» еще казался вполне нормальным. И вот в это время провинциал из низших слоев общества, плотник, решает убить Гитлера.

К сожалению, я не могу понять, какова была истинная причина его поступка. Я только пытался приблизиться как можно ближе к правде. Но, я уверен, у Эльснера было одно свойство, которое позволяет мне сказать, что на самом деле он был чрезвычайно чутким к политике человеком. В моем понимании политика — это не ежедневная работа, а видение будущего. Сейчас беда мира состоит в том, что наши политики замечают лишь проблемы сегодняшнего дня. А Эльснер смог предвидеть. Он говорил: общество, где царит партия с таким монстром, как Гитлер, мне не очень нравится. Да, народ выбрал его свободным волеизъявлением. Однако если меня насильно заставляют говорить, что меня всё устраивает, то я против этого. И он сделал шаг против, хотя и потерпел неудачу. Но если бы его замысел удался, это было бы лучше для истории.

Есть еще один очень сложный поворот. Ни сын Эльснера в свои пятьдесят с лишним лет, ни его земляки, с которыми мне довелось встречаться, не были, в общем-то, горды тем, что он как-то так, между прочим убил семерых человек — вместо того, которого хотел убить. Да, это были высокопоставленные нацистские офицеры, отнюдь не невинные. И тем не менее...

— И все-таки вам не кажется, что уже снято и продолжает сниматься слишком много фильмов, тема которых — нацизм, хотя жизнь ушла далеко вперед?

— О, да, выпущены тысячи и тысячи фильмов с тупыми, глупыми нацистами. Я считаю, что таким образом выступать против Гитлера спустя пятьдесят лет — довольно бессмысленное занятие. В данном случае я не виню Чарли Чаплина. Его «Диктатор» был сделан как трюк. Это способ ощущения мира и способ снимать кино. А множество картин, снятых после 1945 года... Это как американское телевидение — «мыльная опера», в которую нельзя поверить: ла-ла-ла, ха-ха-ха... Если бы все было так просто...

В книге «Майн кампф» Гитлер описал все, что он собирался сделать, за десять лет до избрания его канцлером. Но очень многие евреи остались в Германии, потому что они не могли в это поверить. Нашлось множество немцев, которые голосовали за фюрера и говорили: «Не волнуйтесь, забудьте, мы будем держать этого парня под контролем».

Беда в том, что нам всегда кажется, будто Ричард III был таким... (Брандауэр скорчил уродливую гримасу. — Г. И.-С.) Но таким он не мог бы добиться успеха! Ричард III очарователен, мил, проницателен, и он убивает, говоря: «Я вас целую». Понимаете, опасность в том, что тоталитаризм и его разновидности — отнюдь не тупые теории. Диктаторы стремятся отнять власть у людей. Им для этого надо быть очень хитрыми. И если вы снимаете фильм, направленный против диктаторов и диктатур, вы тоже должны быть очень хитры.

— Что, на ваш взгляд, ждет Европу,

Вас убивают, говоря: «Я вас целую»

столько претерпевшую от самого жестокого тоталитаризма!

— Когда социализм, коммунизм или как там еще называют подобные системы разрушились в Восточной Европе, все получили наконец полное доказательство того, что капитализм в его сегодняшнем виде — единственный путь, которым мы можем идти. И сейчас во всей Европе чувствуется легкий правый уклон. Она полностью охвачена консервативным движением, если можно его так назвать. И возможно, в ближайшие сто лет будет царить полное господство «консерваторов».

— Развлекать зрителей или подталкивать их к размышлениям — в любом случае кино сегодня требует больших средств. Во что обходится сейчас удовольствие поставить основательный, крепкий фильм?

— Ну, скажем, «Семь минут» мы снимали в Мюнхене и в Австрии. Знаменитого пивного зала «Бирбрауэкселлер» в Мюнхене уже нет, его, как известно, разрушили после войны. И мы построили декорации на студии в Будапеште. У нас там много друзей, и они сделали так, что это нам обошлось дешевле, чем если бы мы снимали в Германии. Тем не менее весь фильм стоил где-то между семью и восемью миллионами долларов.

— Многие европейские режиссеры жалуются, что им трудно соперничать с американским кинематографом именно из-за растущих расходов на кинопроизводство. Кто-то напуган американским кино, кто-то им увлечен. А как вы к нему относитесь?

— Сниматься ли в американских фильмах, и, главное, как сниматься — для меня это было принципиальным решением. В 1981 году фильмом «Мефисто» я добился кое-какого признания в Америке. Тогда я получил по меньшей мере двадцать предложений сыграть роли нацистских генералов и охранников концлагерей. Наверное, сейчас я был бы по уши в золоте, если бы принял все эти предложения. Но я их отверг. Фильмы замыслились поверхностные.

Первое предложение, которое я принял в Соединенных Штатах и которое не вызвало никаких проблем, был сериал о Джеймсе Бонде, фильм «Никогда не говори «никогда»». Без какой-либо ответственности, только для развлечения зрителей: роль злодея. Как оперетта, мюзикл... Я сыграл эту роль и в тени славы Шона Коннери добился еще большего признания. Это было что-то вроде провокации с целью привлечь к себе внимание, чтобы участвовать в следующем, уже серьезном фильме. В некотором смысле идея сработала. Думаю, то, что я стал работать в Америке, неплохо. Если я просто встречаю хорошего человека, и то уже считаю, что стал богаче. А здесь я встретился с целым кинематографом.

— С какой, на ваш взгляд, цифры начинается зрительский успех фильма? Сколько, например, зрителей собрала в Германии картина «Семь минут»?

— Наш фильм посмотрело около полумиллиона зрителей. Для такой картины это очень большой успех. Кроме того, фильм получил целую кучу призов. Это, конечно, не самый важный, но приятный аспект.

— Какой следующий фильм с вашим участием увидят зрители?

— Картина «Становясь Колеетт». Ее снимают во Франции, она рассказывает о жизни французской писательницы Колеетт. Ее играет Матильда Мэй, а я играю роль ее мужа, графа Рейли. Режиссер Дани Юстин. Фильм финансируется Францией, Германией и Америкой.

— Будет ли иметь продолжение ваш режиссерский опыт?

— Я начну снимать или в июне, или в сентябре. Все будет зависеть от того, как быстро найдется нужная для съемок деревушка, чтобы арендовать ее на два месяца. Сценарий основан на чудесной новелле Томаса Манна «Марио и волхв». Я люблю фильмы о прошлом. Правда, по их поводу у меня иногда возникают и сомнения: в таких лентах зрительская аудитория, как правило, заведомо оканчивается на моей стороне. А моя цель — достучаться и до людей противоположных взглядов. Чтобы влиять на самых разных людей, надо быть последовательным изобретателем. Новелла «Марио и волхв», думаю, дает для этого возможности.

— В российской истории было предостаточно правителей с диктаторскими наклонностями. Не хотели бы вы сыграть в подобном сюжете из нашей истории, снятом советским режиссером?

— Начнем с того, что у вас есть Абуладзе, который сделал просто фантастический фильм «Покаяние», причем еще до прихода к власти Горбачева. Насколько я знаю, у вас немало фильмов на эту тему. И вообще есть прекрасные актеры и режиссеры, способные сделать фильм на любую тему. Правда, раньше их давила цензура, а сейчас у них не всегда достаточно денег для больших современных съемок. Возможно, будущее европейского кино в том, чтобы Запад финансировал постановки ваших режиссеров.

Что же касается диктаторов, то не надо забывать, что они были не только в вашем обществе или в Германии. Даже при развитой демократии существуют диктаторы. Причем я имею в виду не генералов, не высокопоставленных лиц. Скажем, тираны в семьях... А отсюда все начинается. Если бы в 1933 году вас избрали канцлером вместо Гитлера, уже было бы поздно: для фашизма имела питательная среда. В этом смысле, поверьте, мы и сейчас продолжаем находиться в опасной ситуации.

Что знает, возможно, идеи Маркса и Ленина в определенном смысле были не так уж и плохи. Потому что без них мы сейчас не имели бы социал-демократических партий и, следовательно, той демократии, которая нас с вами оберегает. Но потом любая идея стареет. Что дальше, вы знаете лучше меня...

Вел беседу
Г. ИВАНОВ-СМОЛЕНСКИЙ